

DOI: 10.31696/S086919080036425-4

КУЛЬТ «СОКОЛА-НЕКТАНЕБА» КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ПТОЛЕМЕЯ II¹

© 2026

М.С. АПЕНКО ^a

^a – Институт всеобщей истории РАН, Москва Россия
ORCID: 0000-0002-5344-4938; mikhap97@live.com

Резюме: В статье рассматривается развитие культа «Сокола-Нектанеба» в правление Птолемея II и его значение в контексте религиозной политики этого царя. Культ «Сокола Нектанеба» был создан в правление Нектанеба II (ок. 359–340 гг. до н.э.): его сутью было почитание этого царя как вместилища бога Хора. В правление Птолемея II данный культ обретает новую популярность, и это требует объяснения. После рассмотрения имеющихся в историографии точек зрения под сомнение была поставлена гипотеза, согласно которой популярность культа «Сокола-Нектанеба» связывается с желанием Птолемеев обосновать свою легитимность через преемственность с царями XXX династии; вместо этого предложено иное объяснение. Для правителей династии Птолемеев, которые не стремились выполнять функции царей-ритуалистов, было важно сохранить свою сакральность в глазах египетского жречества. Обозначить наличие у царя сакральности можно было через идеологему, согласно которой в царе присутствует Хор; этим и был обусловлен культ «Сокола-Нектанеба». Такое объяснение хорошо сочетается с религиозной политикой Птолемея II. В его правление популярными оказываются меры, которые показывали, что в царе воплотился Хор. Культ «Сокола-Нектанеба» актуализировал древнейшую мифологему о присутствии в правителе Хора, указывая на это применительно не только к Нектанебу II, но и к царям вообще, включая и правящего монарха. Фигура Птолемея II специально в египетских храмах не почиталась. Причины этому могли быть разными, но, вероятно, они связаны с самоощущением Птолемея II, не желавшего собственного почитания в египетских храмах, или со страхом, что почитание самого правителя вызовет недовольство греков и македонян излишней египтизацией царя. Культ «Сокола-Нектанеба» позволял обосновать сакральный статус Птолемея II в традиционных терминах египетской культуры без необходимости создавать личный культ для почитания личности этого царя.

Ключевые слова: Египет, эллинизм, Птолемеи, Нектанеб II, культ «Сокола-Нектанеба», жречество, царский культ

Для цитирования: Апенко М.С. Культ «Сокола-Нектанеба» как элемент религиозной политики Птолемея II. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 17–27. DOI: 10.31696/S086919080036425-4

¹ Исследование выполнено в ИВИ РАН при поддержке гранта РФФ в рамках проекта «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н.э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)» № 24-78-10152.

This work is supported by grant of the Russian Science Foundation (project No. 24-78-10152 “Ethnocultural interaction in the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC: politics, religion and intellectual life (Italy, Egypt, Asia Minor)”) and was performed in Institute of World History of the RAS.

CULT OF NECTANEBO THE FALCON AS AN ELEMENT
OF RELIGIOUS POLICY OF PTOLEMY II

© 2026

Mikhail S. APENKO ^a

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5344-4938; mikhap97@live.com

Abstract: *The article examines one of the elements of Ptolemy II's religious policy, namely the cult of Nectanebo the Falcon. The cult of Nectanebo the Falcon was created during the reign of Nectanebo II and revered this king as the receptacle of the god Horus. The cult gains new popularity during the reign of Ptolemy II. The article considers the reasons for such a development. The opinion that the cult gained popularity due to Ptolemies' attempts to justify their legitimacy by formalizing their succession to the XXX dynasty was criticized. Instead, another explanation is offered: Ptolemies, who did not strive to fulfill their functions as ritualistic kings, still considered it important to show their divinity in the eyes of Egyptian priesthood. One way to ensure such divinity was to show that Horus manifested itself in the king, the underlining idea of the cult of Nectanebo the Falcon and an important point of Egyptian religion. Importantly, this fits well into the general context of Ptolemy II's cult policy. Ptolemy II created no cults to venerate his own figure but instead used other cults to legitimize his reign. For instance, the cult of Nectanebo the Falcon explained the sacred status of Ptolemy II using traditional terms of Egyptian culture without the need to create a personal cult. The reasons for this might have been twofold: Ptolemy II's self-perception or his desire to avoid dissatisfaction among the Greeks and Macedonians with an excessive appeal to Egyptian tradition.*

Keywords: Egypt, Hellenism, Ptolemies, Nectanebo II, cult of Nectanebo the Falcon, priesthood, royal cult

For citation: Apenko M.S. Cult of Nectanebo the Falcon as an Element of Religious Policy of Ptolemy II. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 17–27. DOI: 10.31696/S086919080036425-4

Религиозная сфера играла важную роль в выстраивании взаимоотношений между царями династии Птолемеев и местной египетской элитой в III в. до н.э. Это было вызвано тем, что в административной и военной сферах египтяне были представлены очень незначительно [Manning, 2010, p. 82], только жречество могло исполнять роль медиаторов между властью и местным населением [Moayer, 2011, p. 86–90]. Можно сказать, жречество было единственным хранителем представлений о традиционной египетской царской власти. В рамках этих представлений царь должен был исполнять различные ритуалы по отношению к египетским богам. Правители же династии Птолемеев по тем или иным причинам этого не делали², и поэтому для получения поддержки со стороны жречества они использовали разные меры, целью которых было создание сакрального образа царя при отсутствии прямого взаимодействия с египетской культурой [Апенко, 2024(2), с. 90–114].

Одной из таких мер было развитие культов, которые прославляли царей династии Птолемеев. Функционирование этих культов позволяло, с одной стороны, поощрять лояльных режиму жрецов, предоставляя им новые должности, укрепляя их положение в жреческой среде, а с другой – поддерживать среди жреческой корпорации образ сакрального легитимного правителя, заботящегося о храмах и богатых Египта. К подобным культам,

² Так, например, они не исполняли обрядов коронации [Burstein, 1991, p. 140–141].

по нашему мнению, принадлежит и культ «Сокола-Нектанеба», возникший ещё в эпоху XXX династии и связанный с сакральной природой Нектанеба II (ок. 359–340 гг. до н.э.). О нём в нашей работе и пойдет речь.

Отметим, что в исследованиях, посвящённых религиозной политике Птолемеев, больше внимания уделялось оставившему наиболее яркий след в истории страны династическому культу Птолемеев, который в египетские храмы распространяется только при Птолемеях III [Minas, 2000; Pfeiffer, 2008(1), S. 96–108]. Окончательно этот культ сформировался как элемент египетской культовой среды при Птолемеях IV и Птолемеях V, став в итоге ключевым элементом взаимодействия царской власти с местной элитой. Поскольку первые два правителя династии Птолемеев никаких мер по созданию династического культа в египетских храмах не предпринимали, их политика часто оказывается вне фокуса исследователей. На первый взгляд, это кажется оправданным. Так, Птолемей I на египетскую религиозную сферу внимания не обращал. Показательно, что в египетских храмах Птолемей I и его супруга Береника I никогда специально не почитались [Minas, 2000, S. 182–183]. Не находим мы и попыток создать новые или использовать существующие культы для оформления взаимоотношений с египетским жречеством³.

Первые десятилетия правления Птолемея II также прошли без заметных изменений в культовой политике: ни обожествление родителей Птолемея II – Птолемея I и Береники I – в качестве «богов-Сотеров» (*SEG XVIII. 636*) [Hazzard, 2000, p. 3], ни собственное обожествление вместе с супругой в качестве «богов-Адельфов» [Minas, 2000, S. 93–97] не нашли отражения в ритуальных практиках египетских храмов. В то же время уже начиная с середины правления этого царя получают развитие сразу два собственно египетских культа.

Первый из них – культ Арсиной Филадельфы – вводится в египетских храмах в период между 270 и 265 гг. до н.э. [Carney, 2013, p. 107–108; Caneva, 2016, p. 148–152]; именно он становится прообразом династического культа Птолемеев в египетской среде. Мы считаем, что его учреждение имело целью укрепить статус Птолемея II в условиях экологических и, как следствие, социально-экономических и социально-политических проблем, которыми была отмечена середина его царствования (подробнее см: [Апенко, 2023]). Отметим, что в рамках этого культа сам царь не почитался.

Другим важным культом, развитие которого приходится на правление Птолемея II, стал культ «Сокола-Нектанеба». Кажется удивительным, что культ, посвященный фигуре Нектанеба II – царя, не имевшего никакого отношения к династии Птолемеев, – оказался востребован в это время. В данном исследовании мы бы хотели определить, с чем связана внезапная популярность этого культа и какое место он занимал в религиозной политике этого царя.

Кратко охарактеризуем культ «Сокола-Нектанеба». Как мы уже отмечали, он возник в египетских храмах при Нектанебе II [De Meulenaere, 1960; Ладынин, 2016(1), с. 164–165]. Наиболее яркое отражение этот культ нашел в особых скульптурах, изображающих бога Хора и царя Нектанеба II: в рамках композиции Хор в виде Сокола защищал царя [Ладынин, 2009, с. 3]. В это же время в источниках фиксируется целая группа жрецов с титулами жреца «Нектанеба-Сокола» (*Nḥt-ḥr-ḥbyt-p3-bik*) [De Meulenaere, 1960, p. 92–99; Gorre, 2009(2), p. 55–60]. В основе культа лежала следующая идея: бог Хор воплотился в царе и обеспечивает его особый сакральный статус [Ладынин, 2009, с. 10–11; 2016(1), с. 165]. Возникновение культа можно объяснить так: жречество все чаще сомневалось, что царь действительно был сакральной фигурой. Вместе с тем и у самих царей все чаще росли

³ Культ Сараписа, созданный в начале III в. до н.э., хотя и связанный с египетскими богами Осирисом и Аписом, был в первую очередь ориентирован на греческую аудиторию и являлся городским культом Александрии [Pfeiffer, 2008(2)].

опасения, что они могут утратить свой статус, если их отношение к храмам и богам Египта будет признано неподобающим [Ладынин, 2009, 2016(1), с. 163–167]⁴. Следовательно, нужно было связать образ царя с божеством, чтобы нивелировать сомнения в сакральности фигуры царя. Это и обеспечивал культ «Сокола-Нектанеба».

Как мы отметили, лица, обладавшие должностью жреца культа «Сокола-Нектанеба», были зафиксированы и в эпоху Птолемеев [Ладынин, 2009, с. 9; Gorge, 2009(2), p. 58–61]. На первый взгляд, это не выглядит странным: жрецы могли сохранить свои должности после падения XXX династии и передать их по наследству. Но на протяжении III в. до н.э. известны случаи, когда должность жреца «Сокола-Нектанеба» занимали те лица, чьи предки никогда не имели её [Gorge, 2009(2), p. 58–61].

В эпоху первых Птолемеев мы фиксируем трех жрецов, которые получили должность жреца «Сокола-Нектанеба» не от родителей. Это жрецы из Мемфиса Хонсуиу [Reymond, 1981, p. 78–82] и Анемхор [Gorge, 2009(1), p. 297–304], а также фиванский жрец Яхмос [Fairman, 1934; Gorge, 2009(1), p. 71–77]. Отметим, что Хонсуиу и Анемхор были сыновьями Несисти-Падибастета, одного из главных жрецов страны и основателя династии верховных жрецов Птаха в Мемфисе [Gorge, 2009(1), p. 287–289]. Хронологически первым известным владельцем титула жреца «Сокола-Нектанеба» является Хонсуиу (*BM 375*). В заупокойной надписи жреца сообщается, что он скончался ок. 249 г. до н.э. (*BM 375*, стк. 8 дем.). Отметим, интересную особенность: Хонсуиу, помимо должности жреца «Сокола-Нектанеба», не занимал иных значимых жреческих должностей и его авторитет, вероятно, был связан с фигурой отца. Анемхор же, напротив, на протяжении всей своей долгой жизни (ок. 289–217 гг. до н.э.; жрец родился еще в правление Птолемея I, а умер при Птолемеи IV) строил успешную карьеру. Кроме титула жреца «Сокола-Нектанеба» (*Wien 153*, стк. 5), мы фиксируем упоминания ряда других жреческих должностей. Анемхор был жрецом культов, где почитались божественные пары правителей (*Wien 153*, стк. 1)⁵. Помимо многочисленных жреческих, он занимал и важные административные должности [Gorge, 2009(1), p. 297–300].

Отметим, что свидетельства о функционировании культа «Сокола-Нектанеба» известны не только из Мемфиса. Жрец Яхмос происходил из Фив – области, которая в конце III в. до н.э. станет эпицентром антиптолемеевских восстаний. Сам жрец, однако, предстаёт лояльной власти фигурой и в своей надписи (*Cairo JE 37075*) подробно описывает взаимодействие с царём. Яхмос сделал карьеру уже в правление Птолемея III, но, вероятно, что начал её ещё при Птолемеи II. Считается, что именно Яхмос был ответственен за создание текстов на «Вратах Эвергета» в храме Хонсу [Quaeghebeur, 1989, p. 111; Arnold, 1999, p. 167], одного из важных памятников того времени. Получил он и другие должности и титулы: особенно примечателен почетный титул номарха Мемфиса (*Cairo JE 37075*, стлб. 4: *ḥ3ty-ꜥ Inb-Ḥd*), который обозначал не реальную должность [Gorge, 2009(1), p. 456–461], но свидетельствовал о важной роли Яхмоса в жреческой корпорации⁶.

Перечисленные примеры не охватывают все случаи использования титула жреца «Сокола-Нектанеба» в эпоху Птолемеев. Добавим лишь, что в дальнейшем должность будет передаваться по наследству от одного из указанных выше жрецов [Gorge, 2009(2), p. 58–60]. В правление первых Птолемеев владельцы должности жреца «Сокола-Нектанеба» играли

⁴ Стоит учесть, что Нектанеб II узурпировал трон у своего брата Тахоса (362–360 гг. до н.э.), так что ему требовалось легитимировать свою власть.

⁵ Сложно сказать, насколько в это время данные титулы можно называть «династическими». Формально жрец занимал две разные должности жреца (*ḥm-nḥr*) «богов-Эвергетов» и «богов-Филопаторов» [Апенко, 2024(2), с. 181–183].

⁶ Подробнее о карьерах вышеописанных деятелей см.: [Апенко, 2024(2), с. 165–167].

важную роль в жреческой иерархии: по словам Ж. Горра в III в. до н.э. титул жреца «Сокола-Нектанеба», как и титул жреца Арсинои Филадельфы, был «признаком знатности» (*un signe de notabilité*) жреца [Gorge, 2009(2), p. 64]. Анализируя сведения источников, можно предположить, что жрецы и их семьи принимали активное участие в формировании царской идеологии. Жреческая должность, таким образом, могла быть своеобразной наградой семье за политическую лояльность и деятельность на пользу Птолемеев.

Можно невольно задаться вопросом: почему культ «Сокола-Нектанеба» становится популярным в это время? Ведь в рамках культа почитался не представитель династии Птолемеев, как это было в случае с Арсиноей II, но давно скончавшийся правитель, на первый взгляд никак не связанный с Птолемеями. В своем исследовании культа «Сокола-Нектанеба» Ж. Горр выдвигает гипотезу, что в начале эпохи Птолемеев этот культ стал, по сути, династическим [Gorge, 2009(2), p. 66], а сам Нектанеб II считался предком Птолемеев.

Какие аргументы приводит Ж. Горр? Так, он обращает внимание на место обнаружения саркофага Нектанеба II. Он был найден в Александрии, в бывшей церкви Святого Афанасия. Именно в этом месте, как считают некоторые ученые, в древности могла располагаться усыпальница дома Птолемеев и Александра [Jenni, 1986, S. 4–6; Gorge, 2009(2), p. 66]. В таком случае оказывается, что Нектанеб II был захоронен в родовом склепе Птолемеев⁷, и это якобы свидетельствует о попытке Птолемеев связать себя родством с XXX династией.

Также Ж. Горр обращается к сведениям «Романа об Александре»⁸, где описывается история, согласно которой Нектанеб II является реальным отцом Александра Македонского (*Hist. Alex. Magni*, а. 7–12)⁹. Там же, между прочим, сообщается и о родстве Александра с Птолемеем: они оказываются сводными братьями (*Hist. Alex. Magni*, а. 32)¹⁰. По мнению Ж. Горра, в III в. до н.э. Нектанеб II почитался в Египте как отец Александра, что отразилось и в культе «Сокола-Нектанеба» [Gorge, 2009(2), p. 67].

Подводя итог своим размышлениям, Ж. Горр выделяет практические причины использования культа. Он отмечает, что установление преемственности позволяло использовать обряды и практики, связанные с культом «Сокола-Нектанеба», по отношению к Птолемеям [Gorge, 2009(2), p. 68].

Большинство аргументов автора относительно преемственности между XXX династией и Птолемеями кажутся не очень убедительным. Нам неизвестно, где находилась усыпальница Птолемеев, так что делать выводы о месте захоронения Нектанеба II некорректно. Конечно, обнаружение саркофага Нектанеба в Александрии кажется достаточным основанием серьезно отнестись к идее, что власть с особым пиететом относилась к этому монарху. Но этого едва ли достаточно для вывода о том, что правители эпохи Птолемеев желали показать свою преемственность с царями XXX династии. Эту гипотезу мы считаем маловероятной ещё и потому, что от эпохи Птолемеев не дошло никаких официальных памятников, где бы родство между Александром и Нектанебом как-либо фиксировалось¹¹.

⁷ Высказывалась точка зрения, что в саркофаге Нектанеба был захоронен Александр [Chugg, 2020], но доказательств этому в источниках нет.

⁸ «Роман об Александре» – средневековое произведение, описывавшее поход Александра Македонского [Kroll, 1926]. Прототип этого сочинения был кодифицирован в III в. до н.э., и часть сюжетов из него могла циркулировать в начале эпохи Птолемеев [Berg, 1973; Ладынин, 2017, с. 126–140].

⁹ Отметим, что Александр проводил строительные работы в тех же центрах и использовал в титулатуре те же эпитеты, что и Нектанеб II. И хотя Александр при жизни на родство с Нектанебом II не указывал, исходя из его деятельности в представлении египетского населения уже тогда могла возникнуть идея, что они родственники [Nawotka, Wojciechowska, 2016, p. 27–31].

¹⁰ В начале III в. до н.э. возникает легенда о том, что Птолемей I был сыном Филиппа II, а не Лага. Впрочем, эта легенда, вероятно, возникла в стане Птолемея Керавна, желавшего получить контроль над Македонией [Collins, 1997].

¹¹ В другой работе Ж. Горр отмечает, что у нас нет доказательств, что рассказы о родстве Александра и

Более того, даже связь между Александром и Птолемеями подчеркивалась не всегда. Птолеми не вносили Александра в список собственных предков¹². Более того, в египетских храмах ни Александр, ни уж тем более Нектанеб, не представлены в рядах царствовавших предков, что было составной частью династического культа Птолемеев и их царской идеологии в египетской среде [Minas, 2000, S. 106, 179–180].

Мы также не уверены, существовала ли потребность в этой династической связи. Легитимность царя в Египте была индивидуальной, она не связана с его родством с предыдущим царем [Berlev, 1981, p. 364–365]. Здесь показателен эпитет *š3 rʿ* «сын Ра», которым вводилось личное имя любого легитимного царя Египта [Beckerath, 1999, S. 25]. Исходя из него, царь воспринимался в первую очередь как сын божества, а не сын своего отца из определённого рода¹³. Легитимность каждого царя выражалась исключительно через его возможности совершать ритуал [Ладынин, 2016(1), с. 144]. Конечно, в эпоху Птолемеев ситуация оказывается чуть сложнее. В египетской титулатуре царей этой династии мы находим указание на преемственность: например, в т.н. «золотом имени» Птолемея II сообщается, что «отец его дал воссиять ему» (*shʿ.n sw it.f*), то есть сделал царём (*Wb. IV. S. 237. 5–6*) [Beckerath, 1999, S. 234–235]. Этот и подобные эпитеты становятся общим местом в титулатуре царей династии Птолемеев [Leprohon, 2013, p. 177–188] и отсутствуют лишь у Птолемея I. Важно, однако, что эти эпитеты указывали на преемственность между отцом и сыном, а не между двумя династиями, следов чего в официальных текстах, как мы уже отметили, нет.

Более того, в глазах египетской элиты цари из династии Птолемеев изображались как основатели нового этапа египетской истории. По отношению к Птолемею I иногда использовалось тронное имя *Hpr-k3-Rʿ* («восуществовал двойник (бога) Ра»): так, фигурирует в надписи, посвященной Арсиное Филадельфе в святилище в Ахмиме [Kees, 1914; Kuhlman, 1979] и датированной временем Птолемея II. Скорее всего, тронное имя *Hpr-k3-Rʿ* является прямой отсылкой к царю XII династии Сенусерту I, чье тронное имя было таким же [Beckerath, 1999, S. 82–83]. В глазах египетского населения этот царь воспринимался как создатель древней египетской государственности и основоположник египетского общественного устройства [Ладынин, 2017, с. 39–41, 193–205]. Вероятно, имя было выбрано специально, с намерением выразить идею, что Птолемеи играют ту же роль, что и Сенусерт I [Ладынин, 2017, с. 81–93]. В таком случае не было смысла устанавливать фиктивную связь с предыдущей династией Египта. Птолеми изображались зачинателями нового этапа, а не продолжателями старого, причем эта идеология активно использовалась именно в правление Птолемея II.

Важно отметить – и это подчеркивает в своей работе Ж. Горр, – что в эпоху Птолемеев отношение к царям XXX династии было неоднозначным. В «Демотической хронике» – тексте, описывающем деяния царей IV в. до н.э., – критикуются многие правители XXX династии, в том числе и Нектанеб II [Felber, 2002; Gorre, 2009(2), p. 68] По мнению ряда исследователей, кодификация этого памятника была завершена в середине III в. до н.э. [Felber, 2002, S. 68; Quack, 2009, S. 24]. Это конфликтует с точкой зрения самого Ж. Горра, который считает, что именно в это время преемственность между Птолемеями и

Нектанеба были составлены при дворе Птолемеев [Honigman, Gorre, 2022, p. 77].

¹² В т.н. стеле из Адулиса (*OGIS 54*, сткк. 1–5) перечисляется родословная Птолемея III вплоть до Птолемея I, включая даже богов (*OGIS 54*, сткк. 4–5: τὰ μὲν ἀπὸ πατρὸς Ἡρακλέος τοῦ Διός, τὰ δὲ ἀπὸ μητρὸς Διονύσου τοῦ Διός «по отцу потомок Геракла, сына Зевса, по матери потомок Дониса, сына Зевса»), но Александр там не упомянут.

¹³ Даже понятие «династия» *dynasteia*, которое использует Манефон в труде об истории Египта, обозначало династию не в современном смысле (то есть царский род), но объединяло правителей, правивших из одного политического центра [Beckerath, 1997, S. 5].

XXX династией становится важной чертой идеологии Птолемеев¹⁴. Но есть ли смысл вытраивать преемственность с царями, чей образ в среде жречества неоднозначен? Апелляция к таким правителям кажется нам несколько маловероятной¹⁵.

В итоге у нас возникают сомнения относительно гипотезы Ж. Горра. Мы не считаем мотив преемственности решающим или значительным при развитии культа «Сокола-Нектанеба». Также мы не вполне согласны с оценкой культа как династического. Более того, не ясна аудитория такой идеологемы. Для египетского жречества создание фиктивного родства не имело большого смысла, а для греков и македонян более важным было бы акцентирование внимания на преемственности между Александром и Птолемейми, а не между Нектанебом и Птолемейми.

Обратимся к одному из суждений Ж. Горра, которое не было в полной мере разработано его автором. Исследователь отмечает, что практики и обряды культа «Сокола-Нектанеба» могли быть использованы царями династии Птолемеев. Возникает логичный вопрос, а нужно ли для достижения этой цели обосновывать преемственность между Нектанебом II и династией Птолемеев?

Вновь рассмотрим ключевую идею культа «Сокола-Нектанеба». Мы уже отмечали, что основой культа было следующее: Хор воплотился в царе (строго говоря, в Нектанебе II) и обеспечивает его сакральный статус. В общих чертах эта идея могла быть применима к любому легитимному царю Египта [Большаков, 2000]. В Позднее время такое представление о сакральном статусе царя было способом компенсировать снижение сакральности в его образе [Ладынин, 2016(1), с. 167], но для Птолемеев это стало одной из возможностей обеспечить легитимность собственного режима.

Во введении мы уже отметили, что цари династии Птолемеев, по крайней мере в III в. до н.э., не исполняли традиционные египетские ритуалы и даже не проходили традиционных обрядов коронации [Burstein, 1991, p. 140–141]. Они стремились показать свою легитимность посредством действий, где не требовалось активное участие в ритуалах: освещались случаи возвращения Птолемейми культовых изображений египетских богов из Азии, увезенных в свое время «в плен» персами [Winnicki, 1994], демонстрировалась забота царей о священных животных [Апенко, 2024(1)]. Между тем, будучи правителями Египта, они не могли не обладать сакральностью, иначе бы их восприняли как нелегитимных, что могло стать поводом к восстанию. В таком случае идея, что в царе присутствует Хор, делала царя сакральным и, следовательно, легитимным без всякой ритуальной деятельности.

Ко времени правления Птолемея II относится целый ряд памятников, которые выражают идею, что в царе присутствует Хор. Так, в районе Саккара были найдены особые маски с лицом Птолемея II, надевавшиеся на мумии священных соколов, которые обозначали присутствие в царе бога Хора [Ладынин, 2023, с. 179–180; Апенко, 2024(1), с. 225]. Для нас показательно, что такая практика не засвидетельствована в предыдущие эпохи, а оказывается нововведением времени Птолемея II.

Связь с Хором была значительной в презентации Птолемеев и в их титулатуре. В имени Обоих Владычиц Птолемея II мы находим эпитет *wr-pḥty* («великий силой») [Beckerath,

¹⁴ В последующей работе Ж. Горр предполагает, что образ Нектанеба II постепенно лишается своих негативных черт в египетской традиции [Honigman, Gorte, 2022, p. 78–81], но указанные им примеры были составлены в одну эпоху, и доказать, что образ царя постепенно «обелялся», достаточно сложно.

¹⁵ Неожиданным примером негативной оценки Нектанеба II в греческой среде, может служить комедия «Бусирис» Эфиппа, которая дошла в отрывке Афиней (*Athen.* 10.442d-e). Как считает А. Папахрисостому, эта комедия была политической аллегорией на завоевание Артаксерксом III Египта. Мифический царь Бусирис, который поедал своих гостей и был убит Гераклом, оказывается аллегорией на реального Нектанеба II [Papachrysostomou, 2022, p. 266–268]. Сложно сказать, насколько такой образ Нектанеба II мог быть известен в эллинистическом Египте, поскольку датируют эту комедию 343–342 гг. до н.э., то есть до царства Птолемеев.

1999, S. 235], который использовался для описания Хора Бехдетского, причем в основном в эллинистическое время [Leitz, 2002, S. 437–439]. Таким образом, в идеологии времени Птолемея II мысль о том, что в царе присутствует Хор, становится ключевой при формировании образа царя. Тогда понятно, почему именно в это время культ «Сокола-Нектанеба» и получает столь сильное развитие. Использование этого культа применительно к Птолемею II могло дополнительно показывать, что и в этом, ныне правящем царе, воплотился Хор.

Конечно, мы не считаем, что это была единственная причина роста популярности культа «Сокола-Нектанеба». Нектанеб II, по всей видимости, играл важную роль для части элиты Египта. Возникновение мифологемы о его родстве с Александром говорит о значимости его образа в эту эпоху. Можно вспомнить масштабную строительную кампанию Нектанеба II в храмах Египта [Arnold, 1999, p. 124–136] и создание нового культа. Использование элементов образа этого царя позволяло дополнительно подчеркнуть положительные качества Птолемея как царей, заботящихся о египетской религии и храмах, которые ведут себя как подобает традиционным египетским царям и не являются в полной мере чужеземцами¹⁶.

Отметим еще одну деталь, имеющую отношение к культовой политике Птолемея II в целом. И в культе «Сокола-Нектанеба», и в культе Арсиной Филадельфы личность царя не почитается специально. В культе Арсиной основное место было уделено богине: Птолемей II всегда оказывался под её защитой, но никогда не почитался сам [Апенко, 2023, с. 40]. Культ «Сокола-Нектанеба» вообще выражал идею, что в царе воплотился Хор без указания на Птолемея II. Это сильно контрастирует с мерами последующих царей, которые по тем или иным причинам вводились элементы династического культа в египетскую среду¹⁷.

В рамках династического культа супружеская пара царя и царицы вводилась в пантеон египетских богов и получала особое почитание в качестве «богов-Эвергетов», что было зафиксировано в решении Александрийского декрета 243 г. до н.э. [El Masry et al., 2012]. В египетских храмах были установлены статуи Птолемея III и Береники II, создавались условия, чтобы простые египтяне тоже могли почитать Птолемея (АД, сткк. 14–15); царская пара получала свой культ и собственное жречество. В общих чертах меры по введению культа «богов-Эвергетов» похожи на таковые по отношению к Арсине II: её статуи также располагались во всех храмах вместе со статуями местных божеств (Urк. II. 40–42), а её культ имел собственное жречество. Однако, и это надо особенно отметить, царица к этому моменту уже скончалась, а о создании статуй царя или введении почитания «богов-Адельфов» в египетских храмах в источниках не сказано¹⁸.

В таком случае можно предположить, что Птолемей II сознательно избегал личного почитания в египетских храмах. Он не создавал культ в честь своей персоны, но использовал культ «Сокола-Нектанеба», который мог выполнять ту же задачу, указывая на сакральность царя в традиционных для египетской культуры терминах, но не предполагал целенаправленное помещение его персоны в контекст египетской религии. Чем могло быть вызвано нежелание допустить это? Возможно, царь опасался, что почитание египтянами личности царя могло быть воспринято как активное увлечение местными традициями. Может быть,

¹⁶ Последнее наблюдение значимо в контексте идеологии первых Птолемея, где цари противопоставлены чужеземным правителям Египта, представленным негативно [Апенко, 2024(2), с. 113–114]. Использование культа, восходящего к последнему царю-египтянину, могла придать образу Птолемея дополнительную значимость в сравнении с персидскими царями-чужеземцами.

¹⁷ Вообще наследники Птолемея II были вынуждены пойти на большее взаимодействие с египетской элитой. В начале правления Птолемея III (245 г. до н.э.) в стране произошло восстание египтян, которое было вызвано сомнениями в том, что царь был сакральным правителем [Ладынин, 2016(2), с. 295]. Создание специального культа было одним из способов укрепить статус Птолемея в глазах египетского населения.

¹⁸ Исследователи часто утверждают, что в храмах Египта располагались статуи и Птолемея II и Арсиной [Lanciers, 1991, S. 118; 140], однако официальные памятники такого указа не сохранили.

некоторую роль сыграло и мироощущение царя, который мог считать неправильным почитание себя в качестве бога. Показательно, что в общегосударственном эпонимном культе «Александра и богов Адельфов», ориентированном на греческую аудиторию, почиталась именно божественная пара Адельфов, а не царь лично. В текущем исследовании мы пока не готовы дать окончательный ответ на вопрос, почему именно в египетских храмах не возникло культа царя в это время, но, вероятно, оба вышеназванных фактора могли играть определённую роль.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что важнейшей причиной роста популярности культа «Сокола-Нектанеба» в правление Птолемея II стали особенности царской идеологии этого времени. В основе культа «Сокола-Нектанеба» лежала идея о том, что в царе воплотился Хор, и это придавало царю должную для легитимации сакральность, независимо от исполнения им ритуала. Этот мотив также прослеживается в других мероприятиях времени Птолемея II и является частью более широкой политики царя по использованию тех идеологических мотивов и форм почитания, которые обосновывали бы его легитимность, но не требовали отдельного культа царя в египетских храмах. Культ «Сокола-Нектанеба» был удачным вариантом такой манипуляции: он обосновывал сакральный статус царя как вместилища бога Хора и делал это в традиционных терминах египетской культуры, но не предполагал специального почитания Птолемея II.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АД – Александрийский декрет [Decree of Alexandria 243 BC] (по изданию: [El Masry et al, 2012]).

ВМ – инвентарный номер Британского музея [British Museum].

Cairo JE – инвентарный номер Египетского музея Каира, Египет; номер по списку поступления [Journal d'entrées of Cairo Museum].

Hist. Alex, Magni, a. – «Роман об Александре» в соответствии с рукописью A (codex Parisinus 1711), воспроизводящей т.н. «версию α»; [Historia Alexandri Magni, recension α (codex Parisinus 1711)].

OGIS – Dittenberger W. *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. I–II. Lipsiae: Hirzel, 1903–1905.

SEG XVIII – Supplementum epigraphicum Graecum. Vol. XVIII. Leiden: Sijhoff, 1962.

Urk. II – Sethe K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. (Urkunden des ägyptischen Altertums 2). Hft. 1–3. Leipzig: Hinrichs, 1904–1916.

Wien – инвентарный номер собрания Музея истории искусства в Вене, Австрия [Kunsthistorisches Museum Wien, Austria].

Wb. – Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. Bd. I–V (с указанием страницы и номера глоссы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апенко М.С. Культ Арсинои II Филадельфы: причины распространения в египетской среде. *Восток (Oriens)*. 2023. № 5. С. 32–43 [Apenko M.S. Why was the Cult of Arsinoë II Philadelphus established in Egyptian Temples? *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 5. Pp. 32–43 (in Russian)].

Апенко М.С. Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев. *Проблемы истории, филологии и культуры*. 2024(1). № 2. С. 219–237 [Apenko M.S. Caring for Sacred Animals in Ptolemaic Propaganda. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2024(1). No. 2. Pp. 219–237 (in Russian)].

Апенко М.С. *Царская власть и локальные элиты в эллинистическом Египте III в. до н.э.: проблемы взаимодействия*. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М.: МГУ, 2024(2) [Apenko M.S. *Monarchy and Local Elites in Hellenistic Egypt of the 3rd Century B.C.: Aspects of Interaction*. PhD Thesis. Moscow: MSU, 2024(2) (in Russian)].

Большаков А.О. Древнеегипетская скульптура и «хорово имя». *Вестник древней истории*. 2000. № 2. С. 73–87 [Bolshakov A.O. Ancient Egyptian Royal Sculpture and “Horus Name”. *Journal of Ancient History*. 2000. No. 2. Pp. 74–87 (in Russian)].

Ладынин И.А. Соколы-Нектанебы: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *Вестник древней истории*. 2009. № 4. С. 3–26 [Ladynin I.A. “Nectanebos-the-Falcons”: Sculpture Images of Nectanebo II before the God Horus and Their Concept. *Journal of Ancient History*. 2009. No. 4. Pp. 3–26 (in Russian)].

Ладынин И.А. Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э. «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб: ПХГА, 2016(1). С. 136–173 [Ladynin I.A. Ancient Egyptian Concepts of Sacral Kingship in the First Millennium B.C. *Gods Among Men: The Cult of Rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman Worlds*. S.Y. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.) Moscow; Saint Petersburg: RKHGA, 2016(1). Pp. 136–173 (in Russian)].

Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб: ПХГА, 2016(2). С. 265–312 [Ladynin I.A. The Dynastic Cult and Eponymous Priesthood of the Ptolemies. *Gods Among Men: The Cult of Rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman Worlds*. S.Y. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.) Moscow; Saint Petersburg: RKHGA, 2016(2). Pp. 265–312 (in Russian)].

Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб: ПХГА, 2017 [Ladynin I.A. “Egypt Rules Again!” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*. Saint Petersburg: RKHGA, 2017 (in Russian)].

Ладынин И.А. Маски священных соколов с изображением царя из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина. *Вестник древней истории*. 2023. № 1. С. 164–184 [Ladynin I.A. The Masks of Sacred Falcons with the Image of a King in the Egyptian Collection of the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts. *Journal of Ancient History*. 2023. No. 1. Pp. 164–184 (in Russian)].

Arnold D. *Temples of the last Pharaohs*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1999.

Beckerath J. von. *Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* Mainz: Zabern, 1997.

Beckerath J. von. *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. Mainz: Zabern, 1999.

Berg B. An Early Source of the Alexander Romance. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1973. Vol. 14. Pp. 381–387.

Berlev O. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt. *Studies presented to H.J. Polotsky*. D.W. Young (ed.) Beacon Hill (Mass.): Pirtle & Polson, 1981. Pp. 364–365.

Burstein S.M. Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth. *Ancient Society*. 1991. Vol. 22. Pp. 139–145.

Caneva S.G. *From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty*. (Studia Hellenistica 56). Leuven: Peeters, 2016.

Carney E. *Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Chugg A. M. Was Alexander the Great originally interred in the usurped sarcophagus of Nectanebo II? *KMT: a Modern Journal of Ancient Egypt*. 2020. Vol. 31(3). Pp. 66–74.

Collins N. L. The Various Fathers of Ptolemy I. *Mnemosyne*. 1997. Vol. 50(4). Pp. 436–476.

De Meulenaere H. Les monuments du culte des rois Nectanébo. *Chronique d'Égypte*. 1960. T. 35. Pp. 92–107.

El-Masry Y., Altenmuller H., Thissen H.-J. *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2012.

Fairman H.W. A Statue from the Karnak Cache. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1934. Vol. 20(1). Pp. 1–4.

Felber H. Die Demotische Chronik. *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten*. Hrsgg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. S. 65–112.

Gorre G. *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées*. Leuven: Peeters, 2009(1).

- Gorre G. Nectanébo-le-faucon et la dynastie lagide. *Ancient Society*. 2009(2). Vol. 39. Pp. 55–69.
- Hazzard R.A. *Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2000.
- Honigman S. Gorre G. Dynastic genealogies and funerary monuments: Nectanebo, Alexander, and Judas Maccabee and the evidence of Ptolemaic influence on the Hasmoneans. *Journal of Ancient History*. 2022. Vol. 10(1). Pp. 68–98.
- Jenni H. *Das Dekorationprogramm des Sarkophages Nektanebos II*. Genève: Belles Lettres, 1986.
- Kees H. Das Felsheiligtum des Min bei Achmim. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*. 1914. Vol. 36. S. 51–56.
- Kroll W. *Historia Alexandri Magni*. Berlin: Weidmann, 1926.
- Kuhlman K.P. Der Felstempel des Eje bei Achmim. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung*. Kairo. 1979. Bd. 35. S. 165–189.
- Lanciers E. Die ägyptischen Priester des ptolemäischen Königs Kultes. *Revue d'Égyptologie*. 1991. T. 42. S. 117–145.
- Leitz Chr. (Hrsg.) *Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. II. Leuven; Paris; Dudley (Mass.): Peeters, 2002.
- Leprohon R.J. *The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013.
- Manning J.G. *The Last Pharaohs: Egypt Under the Ptolemies, 305–30 BC*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
- Minas M. *Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige. Ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den griechischen und demotischen Papyri*. Mainz: Verlag Phillip von Zabern, 2000.
- Moyer I. *Egypt and the limits of Hellenism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Nawotka K., Wojciechowska A. Nectanebo II and Alexander the Great. *Alexander the Great and the East: History, Art, Tradition*. K. Nawotka, A. Wojciechowska (ed.) Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. Pp. 19–31.
- Papachrysostomou A. Nectanebo II and Philip II in mythic disguise: comedy's burlesque of history. *Myth and History: close encounters*. Ch. Menelaos, A. Papachrysostomou, A.P. Antonopoulos (eds.) Berlin; Boston: de Gruyter, 2022. Pp. 263–275.
- Pfeiffer St. *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München: C.H. Beck, 2008(1).
- Pfeiffer St. The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt. *Ptolemy II and His World*. P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds.) Leiden: Brill, 2008(2). Pp. 387–408.
- Quack J. Menetekel an der Wand? Zur Deutung der „Demotischen Chronik“. *Orakel und Gebete. Interdisziplinäre Studien zur Sprache der Religion in Ägypten, Vorderasien und Griechenland in hellenistischer Zeit*. Hrsgg. M. Witte, J.F. Diehl. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. S. 23–51.
- Quaegebeur J. *The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty*. *Ancient Society*. 1989. Vol. 20. Pp. 93–116.
- Reymond E.A.E. *From the Records of a Priestly Family from Memphis*. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1981.
- Winnicki J.K. Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians. *Journal of Juristic Papyrology*. 1994. Vol. 24. Pp. 149–190.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АПЕНКО Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Mikhail S. APENKO, PhD (History), Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.